

Ада Островерх

**Дорогое моё
захолустье**

Ада Островерх
Дорогое моё захолустье

«Автор»

2026

Островерх А.

Дорогое моё захоlustье / А. Островерх — «Автор», 2026

Моя эпоха по времени, по важности, по силе напряжения событий была такой насыщенной и противоречивой, что рассчитывать на абсолютную объективность всего изложенного в моих воспоминаниях я не смею. Причины, которые побудили меня сесть за эту работу, я излагаю ниже. Я считаю, что молчание и безразличие сродни предательству. История моей страны и Православия взаимосвязаны, и переписывать их в угоду политической конъюнктуре грешно и перед теми, кто еще жив и перед теми, кто уже не с нами. Может быть, этот «заключительный аккорд» моих воспоминаний покажется читателям слишком экзальтированным. В одном я хочу заверить их-мое поколение никогда не было равнодушно к тем событиям, которые происходили в нашей стране. Можно во многом упрекнуть наших отцов, политиков, военачальников, не всегда принимавших верные решения, но невозможно отрицать жертвенный подвиг нашего народа, наглядно выражающий суть русского христолюбивого воинства в годину лишений,-как сказал поэт, писатель и публицист Иван Елагин.

© Островерх А., 2026

© Автор, 2026

Ада Островерх

Дорогое моё захоlustье

**ДОРОГОЕ МОЕ
ЗАХОЛУСТЬЕ**

А.Ф.ОСТРОВЕРХ

**Во имя благостных идей
Ложь торжествует, блуд ярится.
Махнуть рукой, как говорится?
Но как же мне потом креститься
Рукой, махнувшей на людей?!**
Николай Зиновьев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Моя эпоха по времени, по важности, по силе напряжения событий была такой насыщенной и противоречивой, что рассчитывать на абсолютную объективность всего изложенного в моих воспоминаниях я не смею. Причины, которые побудили меня сесть за эту работу, я излагаю ниже. Я считаю, что молчание и безразличие сродни предательству. История моей страны и Православия взаимосвязаны, и переписывать их в угоду политической конъюнктуре грешно и перед теми, кто еще жив и перед теми, кто уже не с нами. Может быть, этот «заключительный аккорд» моих воспоминаний покажется читателям слишком экзальтированным. В одном я хочу заверить их - мое поколение никогда не было равнодушно к тем событиям, которые происходили в нашей стране. Можно во многом упрекнуть наших отцов, политиков, военачальников, не всегда принимавших верные решения, но невозможно отрицать жертвенный подвиг нашего народа, «..наглядно выражающий суть русского христолюбивого воинства в годину лишений», - как сказал поэт, писатель и публицист Иван Елагин.

ПРОЛОГ

И дам я в моём доме память и имя.

Пророк Исаия. Ветхий Завет.

Имя человека уходит в небытие тогда, когда исчезает память о нём. В моём сердце живёт надежда, что память о моих дедах, родителях и многих дорогих моему сердцу людях будет жить в моих потомках.

“Дни наши сочтены не нами”, - сказал А.С. Пушкин. Старость стремительно мчится вперед, отстукивая десятилетия. « Долой уныние, копание в себе - ведь есть еще время ...» - думала я раньше.

“Дорожите временем, потому что дни “лукавы”, - сказал апостол Лука. А ведь где-то внутри, в моем подсознании эта мысль жила. Просто я поздно ее отыскала. В водовороте времени как важно не потерять себя, не потерять главного - жить по совести.

Начало нового времени. Новых его определений, так чуждых моему поколению. «Время - деньги», «Цель оправдывает средства»...

Демократические СМИ ставят «к барьеру» поколения дедов и внуков

- А... это вы уничтожили лучшие умы России... вы, большевики... ваш Ленин...

-Нет, Ленина взрастили и подняли на пьедестал ваши деды-большевики, а вы, их внуки, придумали для России свой непонятный демократический режим...

-История Великой Российской империи перечеркнута, сжата.

- Дедуля, а ты видел Ленина?- спрашивала моя шестилетняя внучка.

- Я на целое столетие моложе Ленина,- отвечал дед.

- С ума сойти... - резюмирует полемику ребенок.

- А этот дядя, который кричит, он говорит неправду?

Я выключаю телевизор, и полемика прекращается.

...Прошло двадцать лет... Внучке сейчас двадцать шесть, она закончила в Англии университет, получила неплохую работу, материально себя обеспечила, но «духовно» там не прижилась. Нет дедушки, некому задать столь «серьезных вопросов, которые она задавала. Да что она, я сама себе не могу ответить на многие вопросы, которые поставило время.

...Передо мной письмо моего друга, одноклассника, которого я знала с 11 лет. Жизнь то сближала нас, то разлучала. Он из моего советского прошлого, но, судя по содержанию письма, и мы с ним уже поставлены к барьеру...

По воле обстоятельств я прожила половину своей жизни в Литве, а он - в Украине. Нашей общей Родиной был Советский Союз. Так почему же через двадцать лет жизни он называет нашу Родину неприятным для меня словосочетанием «совковый период» и не находит светлых красок для описания того периода? Он пишет: «Если бы нам не мешала Россия на протяжении всей нашей истории, то Украина была бы одной из цветущих стран Европы».

Последняя фраза вызвала внутренний протест во мне... «Нет, все не так, он, как и я, был счастлив в том «совковом» времени, и мы все гордились своей Родиной, потому что и украинцы, и русские были вместе».

...Я давно не открывала шкатулку, где храню дорогие для меня письма мужа, родных, друзей, свой дневник.

Вот письмо шестилетнего сына из палаточного городка города Ахтырки, где он отдыхал с моей мамой на живописном берегу реки Ворскла. А вот из пакета выпадает его пионерский галстук, исписанный пожеланиями его кубинских друзей, куда на три года был командирован мой муж с семьей. На галстук кем-то из кубинских друзей нарисован портрет Че Гевары. А вот фотографии из музея Хемингуэя. Письмо мужа к старшему сыну, который тогда учился в Ленинграде. Взгляд останавливаю на выдержке из письма: «Знай, когда любят, прощают, но того, кого слишком часто прощают, перестают любить... Ты, как будущий журналист, должен знать, кто и по какому поводу написал эти строки». Очевидно, у мужа был серьезный повод писать сыну об этом...

Письмо Мирона, случайного попутчика, который многое открыл для нас... «Посылаю Вам, Ада Филипповна, и Вам, Николай Федорович, стихи Германа Плисецкого. Так переложить на язык поэзии притчи Пророка мог только тот, кто глубоко проникся верой в Бога. Г. Плисецкий долгое время работал в редакции любимого Вами журнала «Семья и школа». Это хороший знак. Вера возрождается, наступают **н о в ы е** времена». Мирону я верю. Он историк, который никогда не пойдет на сделку с совестью в угоду отдельным политическим кланам.

Читаю отрывки из поэмы (переложение из Библии Германа Плисецкого, 1978 год):

ИЗ ЕККЛЕЗИАСТА

Нет памяти о прошлом.

Суждено всему, что было, полное забвенье,

И точно так же будет лишено

Воспоминаний ваше поколение.

Все чередой прошло передо мной –

Блеск, нищета, величие, разруха...
И вот вам вывод мудрости земной
Все - суета сует, томленье духа.

Что было прежде - то и будет впредь,
А то, что было - человек забудет.
Покуда существует эта твердь,
Вовек под солнцем нового не будет.

Я пришла в восторг от прочитанных стихов, но они вызвали и много вопросов...

Зачем тогда дана человеку память? Зачем мои записи в дневнике, мои стихи, пусть даже наивные, несовершенные, наши путешествия по стране?

Я храню все это в своей памяти, чтобы рассказать внукам, правнукам, чтобы они знали о нашем времени, которое оценивалось не деньгами, отнюдь не деньгами. Наше время «выткало нить», чтобы она связала наше поколение с теми, кто будет жить после нас. И нам есть что сказать и о чем рассказать. Мы - созидали!

Я о т п р а в л я ю с ь в Свое прошлое, я п у т е ш е с т в у ю по Своей жизни.

Позади 1200 км пути, и вот я дома, в Украине, на моей малой Родине, в городе Ахтырка, где я родилась. Усталая и довольная собой, что все-таки решилась приехать, чтобы взглянуть на то, что здесь еще осталось от того, что я так бережно храню в своей памяти.

...Я стою перед могилой, заросшей лебедой. На прогнившем кресте время смыло дождями и снегами имя когда-то близкого мне человека, я кладу цветы на провалившуюся землю, возможно, и незнакомого мне человека. «Пусть даже и так; ведь, судя по состоянию могилы, здесь лежит один из «забытых», - подумала я. - Бог разберется...». Очень удобно в таких случаях ссылаться на Бога. Как будто подкладываешь мягкую подушку под свою взбунтовавшуюся совесть.

Родную землю надо любить, её нельзя покидать в погоне за призрачным счастьем, но «проснутся кони в полёт, и вот уже что-то сияет пред нами, но что-то погасло вдали», - пела моя современница Людмила Сенчина.

...Погасли некогда цветущие сады в украинских деревнях с побеленными хатами, старыми колодцами с журавлями, которые были видны издали, не слышна утренняя переключка петухов. А на давно не паханных полях я не нашла моих любимых волошек, цветов васильков...

Я помню, как мой свёкор в день семидесятилетия своей жены принёс ей охапку этих голубых цветов и сказал: «Наташа, это тебе. Спасибо, что твои глаза не потеряли своего цвета, а остались такими же голубыми, какими я увидел их в детстве, в свои пять лет». Они были одногодками и всю жизнь очень любили друг друга. Скажет ли муж моей тридцатитрехлетнейлетней внучки когда-нибудь похожие слова, я не знаю. А внучка и внешность, и смиренный характер унаследовала от своей прабабушки Наташи.

К великому сожалению, наша запряжённая тройка часто сбивалась с пути. Екклезиасты» от политики меняли курс, а мы были послушны. «Куль личности», его развенчание, обещание «известить» последнего попа, перестройка, Беловежские соглашения, пляски первого президента России, новый президент Путин и совершенно непонятный для многих протест нашего поколения...

В мае 2008 года телеканал «Россия» запустил проект «Имя Россия». Очередная сенсация. По итогам голосования с мая по август 2008 года лидером проекта «Имя Россия» стал И.Сталин. И в декабре, когда проект завершился, третью строку по итогам голосования занял опять Сталин, оставив позади Столыпина, Петра Первого и других.

Писатель Михаил Веллер так прокомментировал популярность И.Сталина в постсоветское время: «Когда мы представляем Древнюю Грецию, то это прежде всего Александр Македонский. А Древний Рим – это Цезарь. Да, Пушкин или Достоевский – наше всё. Но это не мы писали «Братьев Карамазовых» или «Евгения Онегина», а они. А вот Берлин брали мы... поэтому нам и приятнее и естественнее олицетворять себя с сильной личностью, которая заставляла трепетать врагов, которая «железной» рукой вела страну к процветанию... создала фундаментальную науку, которая помогла совершить небывалый прорыв в космос, создала ядерную энергетику. И самое главное – одно из лучших образований в мире. А за победу в Великой Отечественной войне люди готовы были простить и его репрессивный режим».

Простому человеку неведомы выводы историков, которые являются спорными. Ему важно: «...я жил в эту эпоху, я чувствовал, я видел...»

Позиция Михаила Веллера мне очень близка. Но наши политики не могут жить без крайностей. Воодушевлённая результатами проекта «Имя Россия», группа коммунистов Петербурга предложила Русской Православной церкви канонизировать Сталина и выпустить в продажу 10 тысяч иконок с изображением Сталина... Вот таков наш славянский менталитет... Поистине от ненависти до любви только один шаг.

Все вышеизложенные размышления привели к мысли о необходимости сказать своё слово о людях, которые определили, сформировали мои личностные взгляды.

Свои воспоминания я посвящаю своим внукам и правнукам. Я прошу их никогда не предавать забвению память предков. Ибо, как сказал мой любимый писатель и философ Иван Ильин, «народ, не уважающий своё прошлое, не достоин светлого будущего».

ДЕТСТВО

*Детство – это то,
что мы потеряли во времени,
но сохранили в себе.*

Эльчин Сафарли

Господь наградил нас таким неповторимым отрезком бытия, как детство. Детство – это особая страна, особый язык, особая детская логика. Мы не научились ещё лукавить и впитываем, впитываем все богатства окружающего нас мира. Этот период вмещает в себя только светлое, трагическое он отсекает.

Я пережила войну, но лет до шестнадцати не хотела впускать воспоминания о ней в свою память. А когда мне ночами снились бомбёжки, замороженные трупы, выложенные фашистами у нашего колодца, у меня хватало сил подняться, открыть форточку и дышать, – открыть «второе дыхание». Позже бабушка, слыша мои крики по ночам, советовала хотя бы три раза перекреститься.

Пора детства всегда жива в наших воспоминаниях и, кажется, длится вечно. Юность гораздо короче.

Спустя десятилетия, я посетила свой родной город и не нашла своего дома. Он был снесён. Я каждую ночь вспоминала, вспоминала все детали, которые раньше просто не замечала. Окно в моей детской комнате выходило в сад. Ветка райской яблони в розовом цвету, капли росы на подоконнике и белка... Белку папа привёз из деревни, где он проходил педагогическую практику. Она жила в кармане папиного пальто. Кусочек сахара, который я каждый вечер оставляла на подоконнике, она съедала аккуратно, не оставляя следов. Бабушка советовала брать с неё пример, и я с бабушкой соглашалась.

Ближе к осени подоконник покрывался маленькими красными райскими яблочками, величиной с грецкий орех. Белка играла с ними, но никогда не грызла.

- Бабушка, а почему эта мелюзга называется райской? Ведь райские яблоки должны быть большими? – спрашивала я.

- А с тех пор, как девица Ева откусила райское яблоко, оно измельчало... Ева положила начало человеческой глупости, а всякая сделанная глупость – грех. Ведь Бог дал Еве всё, - заключила бабушка.

Я откусила маленькое яблоко, оно было безвкусным. Да, бабушка права: не стоило Еве ссориться из-за этой кислятины с Богом...

- Ба... а что такое грех?

- Грех - он и есть грех, - философски пояснила бабушка.

Это были мои первые познания о Боге. Папа не разрешал бабушке говорить со мной о Боге, так как у меня будет «каша» в голове.

Моё детство проходило под строгим контролем папы. Папа был директором школы, и я несла тяжкое бремя его опыта по воспитанию во мне «личности».

- Ты должна быть как все.

Что входило в это понятие, мне было неизвестно, поэтому я была «как все» - своенравная, непоседливая, обидчивая, романтическая, властолюбивая, но, как мне тогда казалось, иногда доброта во мне всё-таки проявлялась. На последнем качестве папа настаивал особенно и прикладывал к этому большие усилия.

.....Мне подарили гуттаперчивую куклу. Я назвала ее Петей по имени гуттаперчивого мальчика, о жизни которого мне рассказала мама. Этот рассказ вызвал жалость к Пете, и я задумала облегчить ему жизнь. А поскольку Петя был гол как сокол, я решила его приодеть. Укоротила рукава у папиной рубашки, сшила из отрезков белое пальто. Состригла немного меха с папиной новой шапки и сделала меховой воротник. Когда бабушка увидела моё «мастерство», она остолбенела. Шапку папе, как директору школы, подарили на день рождения в школе, вернее, подарили талон. А рубашка была единственной белой рубашкой, которую папа надевал на совещания. Мне здорово попало. Но самой большой угрозой было то, что папа не возьмёт меня на первомайскую демонстрацию. И не взял. С тех пор я терпеть не могла шитья, даже штопать свои капроновые чулки, которые были в дефиците в период моего студенчества, я не хотела.

Я ревела и кричала сквозь слёзы:

- Он, Петя, ведь сирота, понимаешь ты, в пять лет сирота! Мне его жаль!

- Успокойся, твой Петя сирота в пять лет, а папа лишился отца в четыре года... - поведала бабушка. Так я узнала печальную новость из папиной биографии.

Я отыскала фото, где бабушка со своей сестрой и маленьким папой смотрят на меня с открытой, доброй улыбкой. Позже я поставила фотографию на виду и не убираю ее до сих пор. Вот мы с папой вдвоём. Я в том же возрасте, в котором мастерила для куклы пальто. Этой фотографии 75 лет – юбилей! Красивое лицо отца излучает доброту и волю.

- Добрые люди часто бывают безвольными, - говорила бабушка. Но папа, на мой взгляд, был волевым человеком.

БАБУШКА

Бабушка Даша, мама моего отца, была верующим человеком и регулярно ходила в храм. Но уже в тридцатые годы двадцатого века церкви были закрыты. Первым был закрыт храм Архангела Михаила, который был построен как воинский для расквартированных в г. Ахтырке казаков. Рядом с храмом размещалась церковно-приходская школа, довольно большое здание. После закрытия храма это здание было отдано школе, где работал мой отец.

Как-то отец заметил, что в дни церковных праздников возле церкви собирался народ, и среди них он заметил бабушку, причём, явно она была инициатором сбора пожилых людей. Как потом выяснилось, уже довольно продолжительное время небольшими группами верующие собирались в доме бывшего пономаря Федоровского.

Говорят, что благословил его и рукоположил служить в домовом храме епископ харьковский. Имя его я так и не узнала. Тогда на Украине чекисты обнаружили и закрыли много домовых храмов. Дед Федоровский был нашим дальним родственником по линии бабушки, и у отца были все основания опасаться серьёзных последствий. Произошла размолвка между отцом и бабушкой, бабушка ушла из дома к своей подруге, которая жила неподалёку, но в 1942 году, когда пришли немцы, открыли Покровский храм, и бабушка уже свободно шла на службу. Но главное, - она возвратилась в семью. То, что бабушка «из-за Бога», как объяснила мне мама, покинула нас, вызвало во мне растерянность и обиду на отца. Я помню слова бабушки, тихо сказанные напоследок папе перед уходом:

- Дай мне возможность отомолить твоих братьев, Петю и Павлика.

В период голодомора, когда бабушка молилась за то, чтобы я выжила, умерли от голода два её сына, 21-летний Пётр и 23-летний Павел, в её родовом казацком хуторе Гриценково. Девичья фамилия моей бабушки была Гриценко.

Дед Федоровский почти 10 лет «подпольно» служил в своей домово́й церкви. Мы, дети, общались с его дочерью и внучкой, умер он уже после войны. Отпевал его дома старенький священник из Сум.

В детстве меня радовала даже маленькая победа. Когда бабушка ушла из семьи и жила у своей подруги, я подолгу оставалась у неё. Папа, чтобы смягчить свою вину перед бабушкой, разрешал брать меня к деду Федоровскому. Однажды я проболталась об этом своей лучшей подруге Люде и её дедушке. Дедушка был вдовцом. Стали мы уже втроём ходить в церковь к Федоровскому.

Папа молчал, но наряду с радостью от разнообразия, которое я получала от походов к деду Федоровскому, появилось чувство тревоги за то, что я всё-таки предаю родителей.

Яркие воспоминания остались о времени, проведенном в детском саду. Даже в военные годы моя детская психика, перегруженная ужасами войны, избрав свой способ защиты, искала светлых воспоминаний в довоенном прошлом.

В детском саду мне, как подвижной и инициативной девочке, давали поручения. Как-то на целый месяц назначили санитаркой. Я была наделена пусть небольшой, но властью. Где-то внутри я этим гордилась. Но постепенно при любом добросовестно выполненном поручении стала принимать задиристый, воинственный вид. Воспитательница это заметила.

Я неплохо декламировала стихи, пела песни, танцевала. Каждую осень в детском саду готовился танец цветов. Мне достался танец цветка резеды. Танец сопровождался песней. Я и сейчас помню её слова:

Мой кустик не пышен
И цвет не богат,
Но издали слышен
Мой всем аромат.

Почувствовав в словах песни некую посредственность своей роли, я сникла. Моё разочарование было замечено. Мой верный друг Алик решил меня выручить и обратился с просьбой к воспитательнице дать мне роль цветка розы. А роль розы должна была исполнять худенькая, болезненная девочка, которая всего несколько дней как появилась в нашей группе. Алик вернулся с поражением, опустив голову, он произнёс:

- Розой будет Аня.

Я заплакала. А когда папа появился, чтобы забрать меня, я разревелась, но воспитательница успела папу предупредить. Он никак не отреагировал вначале, а затем строго сказал:

- Злость проливает обильные слёзы, а печаль скупится на слезу... Я не знал, что моя девочка растёт эгоистичной.

Так в моём лексиконе появилось ещё одно слово, значения которого я не знала. Я сопротивлялась и сказала, что вообще не буду танцевать.

- Хорошо, с этим я соглашусь и позабочусь, чтобы было так, - сказал папа.

А к празднику осени я заболела.

- Видишь, как Бог наказывает немирных, - заключила бабушка. И в моём лексиконе появилось ещё одно слово, явно не лестное – «несмирная».

Алик переключил своё внимание на маленькую Аню. Он помогал ей надевать пальто, но самую большую ревность вызвало то, как он надевает ей рукавички. Я почувствовала себя самой несчастной девочкой на свете! Как мне хотелось, чтобы меня пожалели! Обычно это делала мама, но мама была на учебной сессии в Харькове. Я решилась на отчаянный поступок: зашла в спальню, которая была пуста, и со всего разбегу ударилась о спинку железной кровати головой. Из носа потекла кровь, и в таком неприглядном виде я предстала перед детьми, которые сидели в столовой в ожидании обеда. Меня, конечно, пожалели. Алик принёс полотенце, но я его отстранила. Воспитательница догадалась о причине моей трагедии и позвонила папе. Я открылась папе.

- Ревность – самое отвратительное качество, оно унизительно и сродни предательству.

- Но меня предал Алик, - пыталась я оправдаться.

- Ты знаешь, что у Ани папа погиб в Испании, его предали, и Алик Анечку пожалел.

Мне впервые стало невыносимо стыдно - и я разревелась.

Удивительно, но позже, когда я повзрослела, и даже будучи замужем, - ревность никогда не посещала меня, а может быть, помня детсадовский урок, я не впускала её в свою душу.

Алик деликатно разделял внимание между мной и Аней, мы подружились. С Аликом мы жили в одном доме. Наши родители были дружны. До сих пор в нашем семейном альбоме на видном месте хранится фотография, где мы с Аликом и нашими родителями весело улыбаемся. Мои «фокусы» папа определил как «синдром одного ребёнка». А вскоре в семье появился мой брат, и я попросила дать ему имя Александр, в честь моего друга.

Я очень была привязана к семье папиного друга, тоже учителя, директора сельской школы, где папа в своё время проходил педагогическую практику. У папиного друга было двое мальчишек, шустрых, романтичных, воспитанных на природе. Их небольшой домик стоял на опушке леса, и мальчишки рассказали, что их лес часто посещает доктор Айболит.

Мы бродили с ними в лесу в поисках ягод и грибов и искали то место, где доктор Айболит лечит зверей. Нам было уже по пять лет, но мы верили в чудеса сказок. Огромное дупло показалось мне необычным. Я решила, что доктор Айболит обязательно его посетит. Мне очень хотелось отблагодарить его за вылеченную белку.

Белку папин друг подарил мне на день рождения. Бабушка нечаянно наступила на лапку белки, и я заметила, что белочка с трудом удерживает кусочек сахара, которым она лакомилась. Папа в одно из воскресений отвёз белку в деревню и, как мне стало известно, отдал её на лечение к доктору Айболиту. А через неделю белку вернули мне совершенно здоровой.

Когда я уезжала в деревню с папой и мамой, я брала и свою куклу. Она была необычная по тем временам, в шикарном крепдешинном платье, которое сшила мама из остатков материала, подаренного ей в городском отделе здравоохранения «за выхаживание ребёнка», то есть меня, в голодные 1933-1934 годы.

Мама рассказывала, что были моменты, когда я уже не подавала признаков жизни. Свой паёк хлеба, который она получала как кормящая мать, хотя из-за голода у неё не было грудного молока, она меняла на сахарную свёклу, варила «солодуху» и пила меня. От нарушения обмена веществ я вся была покрыта струпьями, целыми днями кричала, мама часто от истощения и потери сна падала в обморок, но меня выходила.

Вот за этот труд мама и была премирована отрезом крепдешина. По тем временам это был шикарный подарок. Крепдешина хватило и маме на платье, и на платье кукле Майе, которую я решила подарить доктору Айболиту. Я отнесла куклу в дупло, прикрыла листьями. А на следующий день деревенские мальчишки её обнаружили и принесли в дом своего учителя.

Папа объяснил мне, что доктор Айболит таких дорогих подарков не принимает и посоветовал оставить в дупле записку, которую я написала сама. В пять лет я уже читала и написала печатными буквами «БАЛЬШОЕ СПОСИБО». Это было первое в моей жизни письменное послание.

ПРАЗДНИК ДЕТСТВА

1 Мая – мой любимый праздник. В прошлом году я была наказана, и папа не взял меня с собой на парад. Но сегодня бабушка отведёт меня в центр города, где будут проходить колонны демонстрантов, и я присоединюсь к папе. С Аликом мы соорудили маленький красный флажок, вырезали из журнала портрет Ленина и приклеили к флажку.

- А это ещё зачем? - ворчит бабушка и пытается портрет оторвать. Бабушка часто вступает в пререкания то с папой, то с мамой, нарушая мир в семье. Я принимаю «ничью», так как всех их люблю.

- Мамо! – с мольбой шепчет мама – и портрет остаётся. Мы с мамой идём в центр на встречу с демонстрантами. Колонна папы среди четырёх школ будет идти первой, так как у этой школы высокие показатели и хорошая успеваемость.

- Ещё бы не «высокие», рядом церковь Архангела Михаила, а школу-то твои узурпаторы заняли воскресную, - тихо ворчит бабушка, когда папа объясняет маме, как обстоят дела в его коллективе. - Эта твоя школа сто лет слышала молитвы в своих стенах и колокольный звон... Какой был звонарь! И того сгноили вместе с батюшкой...

Я ничего не понимала. Каким образом можно сгноить людей? Я расплакалась.

Бабушка вечерами, когда мы с ней оставались одни, брала старую фотографию своих детей Пети и Павла, ставила иконку и молилась.

- Вот и деток моих сгноили, - промолвила бабушка и разрыдалась.

В эту ночь мне приснились два мальчика, которых я видела на фотографии. Они лежали в саду, в яме, куда мы сбрасывали сгнившие яблоки из нашего сада. После жуткой ночи я стала заикаться. Мама с папой решили отправить меня к своим друзьям в деревню, но на сей раз без бабушки. В душе я понимала, что именно я стала причиной нашей разлуки с бабушкой, но в сути размовки разобраться долго не могла. Я помню до сих пор стихотворение о Ленине:

Ленин, Ленин дорогой,
Ты лежишь в земле сырой.
Как я только подрасту,
В твою партию вступлю.

Что такое партия, я не знала. Мы с Аликом наблюдали, как наши папы играют в шахматы. «Партия шахматная, а какая ещё может быть?» - задумывалась я. Непонятными оставались строки «ты лежишь в земле сырой», ведь Ленин, как я видела в кино, лежит в мавзолее! А может, его враги выкинули в яму, как дядю Петю и дядю Павлика? Я задала этот вопрос бабушке.

- Знаешь, - миролюбиво ответила бабушка, напуганная моим заиканием и разлукой со мной, - давай лучше на ночь помолимся...

«Отче наш...» Так в пять лет я выучила первую молитву. Сейчас, пройдя через азы бабушкиного воспитания, я поняла, что **уровень жизненной мудрости человека не зависит ни от образования, ни от материального положения, ни от среды обитания, а зависит от открытости души. Души, которая, как фильтр, оставляет снаружи муть, а впитывает «просветлённое».** И этим фильтром для моей бабули была вера во Христа.

МАМА

О маме нельзя вспоминать, её надо всегда помнить. Есть в православии день памяти новомучеников и исповедников Российских. В этот день поминаются не только священнослужители, но и все усопшие. На панихиде после поминовения священнослужителей я просила у Господа простить мою маму за то, что она не имела глубокой веры, но прожила честно и в любви к людям. Пришла мысль, **что когда-нибудь, наверное, тех матерей, которым выпало лихолетье: войны (мама пережила две мировых войны – 1914 года и 1941-1945г.г., гражданскую войну), сиротство, голод, – будут поминать в церквях как мучениц.** Они на своих плечах вынесли не меньше, чем те, кто был на фронте.

Мама родилась в казачьей станице Мечетинская. Крещение совершилось на девятый день в Преображенской церкви станицы в присутствии восприемников (крестных), где в свидетельстве о крещении указывался статус восприемников. До конца жизни мама хранила это свидетельство.

Бабушка постоянно напоминала мне, что я родилась в дни празднования Покрова Пресвятой Богородицы.

- У Богородицы большое покрывало, которым она в эти дни покрывает землю от зла, - просвещала меня бабуля.

И голодной смерти я избежала, потому что родилась в это время. Не знаю, «покрывается ли везде зло в это время», но ощущение чистоты, благодати свершения чуда на праздник Покрова я помню с детства...

...Вчера ещё чёрная, вскопанная на огороде земля утром покрылась белым пухом первого снега. В окно я вижу бабушку, которая посыпает эту красоту пеплом.

- Что ты делаешь?! Ты всё испортила, ты всё испортила!..- кричу я в форточку.

И вдруг – о чудо! Бабушка смотрит на меня виновато.

- Так я земельку подкормить пеплом решила... Но сегодня такой праздник, нельзя. А завтра тоже нельзя. Завтра твой день Ангела. Запомни – главное не день рождения, а день Ангела.

Я запуталась и праздновала только день рождения. Мама рассказывала, что в день моего рождения выпало много снега. Кровать в палате роддома стояла под окном. От потери сил при родах и голода мама потеряла сознание. Очнувшись и увидев белизну земли, решила, что она уже на небесах. Перед нею стоит её мать (моя покойная бабушка Марина) и поправляет подушку, из которой высыпается пух.

- Баю-бай, баю-бай! - слышится ей песня.

- Вам нельзя сейчас спать, очнитесь, - слегка трясёт её за плечи врач...

Я родилась слабым ребёнком, не сразу закричала. Пока меня приводили в чувство, мама потеряла сознание и чуть не умерла, но именно мой первый крик привёл её в сознание. И с тех пор мама до двух моих лет жила в постоянном страхе меня потерять.

Где-то в полтора года, когда я стала сознавать себя на свете, осталось в памяти моей мамино почерневшее лицо с впалыми глазницами и худые, с выступающими венами, кисти рук, свисающие над перилами моей кровати. Чернота под глазами расплылась до самых скул, а в глазах вечная тревога. Синеватые губы шепчут:

- Спи, моя золотая, тебе нужны силы.

А папа в это время метался в тревоге, он поверил врачам, что шансов выжить у меня почти не было. С вой пост у моей кровати мама ему не уступала.

Позже мама рассказывала, что горькое чувство её детского сиротства - ничто по сравнению со страхом потерять первого младенца, который своим голодным криком то сопротивляется смерти, а то вдруг от потери сил вытягивает свои ручки вдоль туловища и замолкает.

- Вот тогда-то я и вспомнила о Боге, но не с мольбой, а с упрёком: «За что, за что ты лишил меня родителей, а теперь забираешь её?!»

У маловерующего человека особая логика. Маме казалось тогда, что именно после этого вопроса к Богу я стала набираться сил.

Странно, но противоборство с моей бабушкой у мамы возникло после моего рождения. И доводы бабушки о том, что «всё от Бога» маму раздражали.

Лишившись в детстве родителей, они с сестрой скитались «по людям», как говорила мама. Шла гражданская война, затем коллективизация, закрыли церкви, не было духовной подпитки – кругом зло. Но вдруг для двух сирот засиял свет в окошке. Однажды в семью, где она сама, будучи ребёнком, нянчила соседского малыша, носила воду для полива, выполняла любую работу «за кусок хлеба», как говорила мама, пришли комсомольцы.

В сёлах тогда 98% населения было неграмотным, Как бы мы ни относились к Ленину, но им был издан декрет о ликвидации безграмотности в кратчайший срок. Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой массы народа были ограблены, в смысле образования, света и знаний – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России».

Да, были церковно-приходские школы, которые давали прочные н а ч а л ь н ы е знания и знания основ закона Божьего, но охват такими школами был незначительный. В 1920 году молодым государством было выделено на ликвидацию неграмотности по программе четырёх-летнего обучения 300 000 тысяч рублей, - по тем временам, деньги немалые.

Мама оказалась способной ученицей, и за четыре года в открытой на дому школе её подготовили по определённой программе для поступления в педагогический техникум, который она закончила на «отлично» и стала учителем. Мама вспоминала:

- Идёт гражданская война, разруха, бедность, но государство находит деньги на оплату учителей и на издание 6 000 000 букварей для взрослых. Само понятие «букварь для взрослых» уже через 20 лет стало анахронизмом. Если бы не советская власть, не комсомол, я бы, как и моя мама, гнула спину на какого-нибудь барина.

Бабушке возразить было нечего.

Далее ставилась другая задача – создание коллектива советских учёных. Для этого был установлен классовый принцип при принятии в вузы. Была создана система льгот для детей из рабочих и крестьян. И он хорошо сработал. Уже в сороковом году мы имели прекрасно подготовленных специалистов, работающих во всех областях страны.

До войны мой отец закончил заочно три курса Харьковского университета. Помешала война. После войны доучивался. Моя родная сестра поместила фотографию мамы и папы в интернете в 2011 году, через сорок семь лет после смерти отца. Откликнулись их ученики с большой благодарностью и доброй памятью о них.

Фундамент православной веры, который всё-таки оставили нам наши бабушки, и возможность раскрыть и применить свой интеллект, который находился в «тени» у нашего народа, всё это вдруг выплеснулось таким созидательным потоком при советской власти, что за короткий срок, несмотря на изнурительную войну, создал мощный пласт новой советской интеллигенции, к которой применимы строки А.С.Пушкина: «...на поприще ума нельзя нам отступать». И не отступили ни в науке, ни в культуре. Нам мешало поистине изматывающее противостояние с Западом. Мне трудно судить, но мудрости у наших политиков и «лжевождей» не хватило, чтобы сохранить страну. А начав перестройку, за двадцать лет всё накопленное богатство растеряли. Даже прекрасный русский язык опошили. А может, всё-таки есть надежда, что наступит время, когда наши внуки произнесут другие строки А.С.Пушкина: «Нет, нет, оно прошло, губительное время, когда невежества несла Россия бремя». Может, и скажут, если очередной министр образования не вычеркнет из школьной программы такого гениального поэта, как А.С.Пушкин.

В детстве бабушка мне рассказала сказку-быль.

Жил-был в наших краях князь. Он очень любил свою землю и всё вокруг, «куды око глянне» (бабуля часто вставляла фразы из украинского фольклора и говорила на диалекте, принятом в нашем сумском крае).

Князю кланялись деревья, цветы, лошади и даже дикие звери. Вырастил князь замечательный яблоневый сад. А когда он умер, старая яблоня прошептала своей яблоневои поросли, которая выросла рядом со склепом, куда положили князя:

- Если я засохну, растите, наклоняясь к нему.

И вскоре от великой печали яблоня зачахла. А поросль всё ниже и ниже наклонялась к земле, и уже молодые ветки прикоснулись к склепу...

Прошло два десятилетия с тех пор, как умерла бабушка. Почти каждый год отпуск мы проводили на своей родине...

.....Автотрасса Москва-Киев. Недалеко от местечка Кроливец нас останавливает «голо-сующий» на дороге мужчина и просит подвезти. Нам по пути, и мы с удовольствием принимаем нашего попутчика. Он оказался словоохотливым и рассказал, что в этих местах впервые, но здесь родина его отца и предков. Он обещал своему деду, когда тот был жив, обязательно посетить эти места. Дед особенно просил заглянуть в усадьбу князя Мещерского, где его отец служил садовником.

Дед рассказывал, что в усадьбе некогда росла «заговорённая яблоня». Листья яблони лечат всякие болячки, и растёт она как-то необычно. Через сорок минут после знакомства с Миронем, так звали нашего попутчика, мы подъехали к усадьбе.

Здесь когда-то была роскошная усадьба князей Мещерских. От склепа осталась только могильная плита с надписью: «Князь Пётр Сергеев, сын Мещерский. Родился в 1780 году августа 24. Умер в 1848 году 18 февраля, от роду 68 лет».

Над бывшим склепом растёт уникальный куст – яблоня небывалого вида и возраста, ей 220 лет! По легенде, она тоскует по своему хозяину. Своего рода памятник ему. Я посчитала, что со времени смерти князя прошло где-то около 140 лет. Мирон развеял мои сомнения и сказал, что на плите указаны данные последнего князя Мещерского, сына Петра Мещерского, а яблоня – это дань памяти его отцу. Растёт яблоня, укореняясь в землю молодыми побегами. Биоэнергетики доказали, что плоды этой яблони омолаживают людей. Если постоять, прислонившись к стволу спиной, боли в спине проходят. Ничего подобного в семействе яблоневых в мире нет. С 1998 года, как я узнала уже спустя годы после посещения усадьбы, яблоню-колонии охраняет закон.

У меня были серьёзные проблемы с сердцем. В тридцать семь лет я чуть не умерла в реанимации. Я дождалась сумерек и, прислонившись спиной к яблоне, как советовал Мирон, стояла минут двадцать, глядя на усыпанное звёздами небо, и молилась своими словами. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», - вспомнила я слова песни, которую пела в детстве.

Сколько таких сказок-былей знала моя бабуля, но, повзрослев, я с улыбкой и с большими сомнениями слушала её рассказы. В Украине много обычаев, предрассудков осталось со времён язычества, и народ простой с юмором говорил: «Чи то правда, чи то, може, хтось збрехав». Но в последнем событии правда, рассказанная бабушкой, заставила меня о многом, чему она меня учила и от чего предостерегала, задуматься. История необычной яблони тому подтверждение.

СЛУЧАЙНЫЙ ПОПУТЧИК МИРОН

А знаешь, в жизни встречи не случайны.

Они блуждают сотнями дорог,

Чтоб встретиться когда-то непременно,

Но лишь тогда, когда захочет Бог.

(автор неизвестен).

В жизни любого человека бывают такие встречи, которые оставляют неизгладимый след, что-то изменяют внутри нас и дают толчок к рождению чего-то нового, светлого.

Древние были мудры, когда к случайному попутчику относились как к посланнику Божьему.

Посещение усадьбы князя Мещерского вызвало по отношению к нашему попутчику Мирону и любопытство, и чувство неловкости. Мирон приподнял целый пласт исторических событий, к трактовке которых мы были совершенно не готовы, так как имели очень поверхностные знания о них. Есть такое обтекаемое понятие «Это мы проходили...», но то, мимо чего проходили, не запоминается. Мирон впервые путешествовал по нашему краю, но знал о нём гораздо больше, чем мы, прожившие здесь десятилетия. Сейчас, по истечению двадцати лет с момента нашей встречи, я поняла, что его отношение к земле предков, к её истории было выстрадано разлукой, а потому было трепетным, основательным.

«Лицом к лицу лица не увидать, - большое видится на расстоянии». Эти есенинские строки о нас, о нашем видении. А Мирон, ещё не видя, уже ощутил то большое, что являло собой его родину. Увидел сердцем, благодаря непрерывным поискам. Сильно, тонко и глубоко переживал за всё, что происходило с его страной. И **источником** богатства его внутреннего мира были его родители.

На протяжении моей долгой жизни мне часто приходилось общаться с детьми священников. Это особый тип детей, которые очень отличаются от детей, воспитанных в мирских семьях. Дети священников, мне кажется, находятся постоянно под присмотром своего Ангела Хранителя, так как с раннего детства родители научают их молитве. У них особая внутренняя чуткость и способность «видеть» сердцем. В семьях священников, как правило, растёт не один ребёнок, поэтому его внутреннему «я» не грозит ощущение, что он центр вселенной. И мудрость сердца, и логика головы уже во взрослом состоянии живут согласованно.

Я помню, как Мирон «раскрасил» своё повествование о первой пасхальной службе, совершённой его отцом уже после войны в частном доме, на окраине Магадана. На следующий год мы с мужем пошли в храм на Пасху и простояли всю ночь. Воскликание «Христос Воскресе!» вызвало у мужа такую радость и восторг, что в глазах появились слёзы. Нас удивляло в Мироне постоянство его взглядов и убеждений.

Его радовало всё, даже какая-то мелочь, которую мы бы и не заметили. Муж как-то задал ему вопрос, счастливый ли он человек. Мирон задумался и после продолжительной паузы сказал

- Всё зависит от того, что мы изначально вкладываем в понятие «счастье». В памятный и счастливый день нашего бракосочетания я преподносил обычно жене розы. Но так случилось, что роз я не нашёл, и мой друг предложил подарить жене веточку сакуры, которую он раздобыл в какой-то оранжерее. Веточка была покрыта ещё не распустившимися бутонами. Я принёс её домой, поставил в тёплую воду в надежде, что завтра она расцветёт. И сакура расцвела. Время создания такой красоты – миг. У человека этот процесс созревания и расцвета происходит, как правило, в период его нравственного подъёма.

У нас десять лет не было детей, наверное, мы были ещё к этому не готовы, Бог знает. То, что произошло, вы, может быть, сочтёте за совпадение, но радость расцветшей ветки сакуры и того, что мы вместе прожили десять счастливых лет, всколыхнула такие чувства радости и надежды на чудо, которое должно свершиться. И свершилось... Через девять месяцев у нас родилось двое мальчиков-близнецов.

Чтобы ощутить всю радость бытия, его полноту, надо в самом себе создать свой внутренний мир, «раскрасить» его яркими красками и поверить.

Любовь – вот двигатель всего. Мечта о любви, истинно высокой, сопровождает человека всю жизнь, с детства и до глубокой старости. Я думаю, что выше любви нет ничего. Духовная

жизнь, не освященная любовью, мрачна, хотя... любовь дарит не только радость, но и грусть, страдания, волнения.

Этот монолог муж записал на маленький портативный магнитофон, который мы взяли с собой. А позже муж признался, что когда ему предстояла длительная разлука с семьёй, он включал записанный монолог Мирона, и это помогало в разлуке. А я стала получать от мужа теплые и лирические письма, которые храню до сих пор.

В беседах с Мироном меня удивляла его спокойная и вдумчивая реакция на мои, порой, даже провокационные вопросы. Это теперь я осознала, что они были именно провокационными и исходили от моего незнания и поверхностного отношения к православной вере. Но проявленная чуткость ко мне со стороны Мирона, желание совместно разобраться, не поучая, - всегда убеждали меня в его правоте. Это те качества, которые просто необходимы всем нам.

Я помню, как впервые привела на причастие свою внучку. В церкви она попросила пить, и я, по незнанию, дала попить ей из бутылочки тёплого чая. Я знала, что вкушать пищу нельзя перед причастием, но забыла это правило. И священник, когда узнал, что девочка пила, произнёс «обличительную речь». Обида и стыд охватили меня. Не стыд, а обида была на первом месте. Позже я осознала, что я не должна была так реагировать. Вскоре батюшка заболел, его поместили в больницу. Муж навещал его и даже дежурил у его постели, когда это потребовалось. Тепло и любовь к этому священнику у меня сохранились до сих пор.

Многие люди, когда решают воцерковляться и приходят в храм, ищут здесь ангелов. Да, ангелы есть, ангелы нашей души, но мы пока ещё не знаем, как их распознать, а душа не готова в силу своего невежества их воспринять. И центр нашей критики обрушивается на священника, особенно, если «кто-то» «когда-то» заметил и рассказал какую-то историю, которая случилась с ним. Смирение – это качество, которое помогает расставлять наши эмоции по своим местам. Оно достигается терпением и молитвой. Это поучение, если так можно определить, я получила от Мирона. И с грехом несмирения я борюсь до сих пор. Маловерие и несмирение – это то, чего особенно не достаёт на первом этапе воцерковления. Познание Бога – это путь всей человеческой жизни. И когда впереди остаются не десятилетия, а годы, а может быть, месяцы или дни твоей жизни, ты лихорадочно спешишь познать многое и сразу, поэтому творишь ошибку за ошибкой. Но если ты упорно держишься намеченного пути, то по крупным наполнишь свою душу хотя бы тем минимумом знаний, опыта, который не даст тебе усомниться в силе Веры...

Уже пожелтевшая бумага последнего письма Мирона. Почему-то расплывшиеся буквы, но текст хорошо сохранился. Поздравление с Рождеством. «Дары волхвов, принесённые новорождённому Христу более двух тысячелетий назад, сохранились до наших дней: золото, двадцать восемь небольших пластин разной формы – трапеция, четырёхугольник, многоугольник. На каждой – тончайший филигранный орнамент, который ни разу не повторяется, ладан и смирна, небольшие, величиной с маслину шарики, их около семидесяти. Эти сокровища хранятся в монастыре святого Павла на горе Афон с особой бережливостью. До настоящего времени от них исходит удивительное благоухание...»

Поздравление с таким текстом датировано 2000 годом. Где-то за неделю до своей смерти муж попросил найти среди писем именно это письмо и принести в больницу. Я, признаться, забыла об этом письме, а он вспомнил и обратился то ли ко мне, то ли к себе:

- Скажи, ну почему, почему я не поехал на Афон? Почему что-то самое важное, самое ценное мы, как сквозь сито, пропускаем через себя и осознаём это слишком поздно?

Всего две недели мы общались с Мироном, но эти две недели многое изменили в нас.

«И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились... исполнились все Духа святого...» - это то, что вы ощутите после первой в вашей жизни Литургии, но если не после первой, то оно, это ощущение, обязательно к вам придёт на Пасху, - написал Мирон в своём первом письме. – Всегда рядом с вами будут

сомневающиеся... Как много они теряют из-за своего неверия. Мир бы не изнемогал от войн, страданий, если бы люди жили по закону, оставленному нам Творцом».

Не знаю почему, но когда я читаю эти строки сейчас, я краснею, так как чувствую, что не оправдала надежд Мирона. Он приподнял целый пласт исторических событий, связанных с православием, к которым я была не готова. Острота чувств, переживаний тех лет притупилась. Мешало наше атеистическое окружение. Вера в величие **человеческого духа** в поступках и мыслях чаще превалировала над тем понятием, которое хотел донести Мирон. Как-то один близкий мне человек, которого я уважаю не менее, чем Мирона, сказал мне: «Ты почему-то больше доверяешь результатам своего деяния, чем молитве...» Вот основная моя ошибка. Есть такое понятие, как «духовная высота». Достичь этой планки дано не каждому. Мирону, может быть, и удалось.

Он рос в семье священника. Его дед и отец были священниками. Отца, как и многих священников Украины, сослали. Семья была вывезена на Колыму, где отец отбывал свой срок. Вместе с ним в лагере находился таджик имам по имени Мири, который тайком врачевал, обладал знаниями восточной медицины. Он спас отца Мирона от смерти. Когда после семи лет отсидки отца освободили, Мири сказал на прощанье: «У тебя растут четыре дочери. Пятым ребёнком будет сын. Женщины после долгой разлуки с мужем рожают, обычно, сыновей». Так и случилось. Родился Мирон. Даже имена Мири и Мирон были созвучны. Мирон в переводе с греческого означает «миро», то есть душистая, благоухающая смола миртового дерева. В нём так гармонично сочетались мягкость души с твёрдостью его убеждений! Он не увещевал, не настаивал, а приводил такие доводы, в истине которых сомневаться не приходилось.

Помню, мы подъехали к святому источнику. Он помолился, медленно достал из рюкзака металлическую кружку, подошёл к источнику, перекрестился и, набрав воды, испил её, делая перерыв между глотками.

- Погляди, как он красиво пьёт. В этом ритуале есть какая-то поэзия, - тихо промолвил муж.

Я подошла вслед за Мироном, умылась водой, плеснула на уставшие ноги, затем прополоскала бутылку из-под кефира... Мирон, глядя на меня, молчал, но я заметила, что его глаза стали грустно-задумчивыми. Он тихо произнёс:

- Если человек решил оздоровить себя с помощью святой воды, он должен осознать всю глубину происходящего – должен совершить глубокую молитву с верой в Бога. Прежде чем испить первый глоток или погрузиться в воду, надо поговорить с Богом и попросить для себя или для другого человека то, что он хочет...

Прошло более двадцати лет после встречи с Мироном. Наша семья постепенно воцерковлялась, но не все уроки, которые преподнёс нам Мирон, были извлечены. Как-то мы с сыном поехали в Пюхтицкий Успенский монастырь. По приезду я сразу же побежала, именно побежала, в купальню. Был февраль, в Клайпедде шла эпидемия гриппа, и я решила оздоровить себя, окунувшись в святом источнике, где вода летом и зимой держится на уровне плюс семи градусов. Пол в купальне был покрыт ледяной коркой, и я, перекрестившись, окунулась без молитвы, без всякого внутреннего настроения. На следующий день температура поднялась у меня до тридцати девяти.

Многое из того, что рассказывал Мирон, казалось и странным, и интересным. От отца Мирон получил наказ разыскать колодец на окраине Белополья и привезти колодезной воды. У этого колодца отец встретил когда-то свою первую любовь, будущую жену и мать Мирона. Вода, как мы впервые узнали от Мирона, является прекрасным накопителем информации. Вода из того места, где ты родился, идентична воде человека, из которой он состоит, на 70-80%. Родные места Белополья нам были хорошо знакомы, так как в Белополье долгое время работал мой свёкор. Мы остановились на окраине города.

Мирон попросил два часа на «свидание с любимой», как он выразился о родных краях. В город решил идти один. Договорились встретиться у церкви Петра и Павла. Прошло два часа, но у церкви Мирона не оказалось. Из церкви вышла старушка, приветливо улыбнулась, предложила подождать на скамейке возле храма. Мы поинтересовались историей церкви.

В её повествовании прозвучало «посёлок Крыга, речка Крыга». И её фамилия происходила от этих названий – Крыжна. Девичья фамилия моей мамы была Крыжна. Разыскивая родственников мамы в небольшом селе Полтавщины, мы никого не нашли.

Бабушка Надя, так звали нашу собеседницу, рассказала, что когда-то здесь поселились казаки Богдана Хмельницкого. Её муж из рода этих казаков носил фамилию Крыжний.

-Триста лет тому назад наш Богдан после поражения с ляхами (поляками) сказал казакам: «Идите за кордон, в Россию, под её защиту, бо ляхи вам життя не дадут и всяка бусурманска нечисть»...

Подошёл Мирон, извинился за опоздание, старого колодца он не нашёл. Набрал в термос святой воды из храма Петра и Павла. Вид у него был усталый и грустный. Мы распрощались с бабушкой Надей и тронулись в путь. По дороге Мирон продолжил рассказ, начатый бабушкой Надей.

В 1654 году в Переяславле был подписан договор о воссоединении Украины с Россией. Но вскоре умирает Богдан Хмельницкий, и в борьбе за гетманскую булаву начинаются распри.

В 1672 году сотник Степан Фоменко привёл свою сотню казаков и получил разрешение московского царя поселиться вокруг построенной крепости Крыга. Новое поселение было названо Белополье, но в народе оно долгое время оставалось Крыгой.

Возможно, что мой прадед, которого я в семилетнем возрасте застала ещё живым, был из этих мест. Мама рассказывала, что прадед мой был по тем временам грамотным человеком, он учился в церковно-приходской школе. По сведениям Мирона, чьи предки из этих мест, в маленьком городке их было четыре.

Интересна история возрождения церкви Петра и Павла. В тридцатые годы церковь была закрыта. А менее чем через семь лет, осенью 1941 года, когда советские войска оставили города Сумщины, в период временного безвластия, верующий люд начинает возрождать храмы. Так было и в моём родном городе Ахтырка. Надо сказать, что казаки оставили особый дух на своей родине – дух веры и преданности своей земле. В Белополье, по рассказам бабы Нади, женщины выбелили стены церкви Петра и Павла, а пожилые мужчины произвели необходимый ремонт. Вместо огромного колокола, который сбросили и уже на земле разбили с помощью копра в тридцатые годы, повесили кислородные баллоны. К возрождению храма подключились монахи, которые ещё оставались в городе. Люди принесли иконы. Священник, прибывший из Харькова, организовал церковный хор. С тех пор храм не закрывался.

Я, прожившая на Сумщине десятилетия, не знала, что город Белополье – родина выдающегося педагога А.С.Макаренко. Мирон успел зайти в городской совет и получил информацию, что в городе нет музея, посвящённого этому выдающемуся педагогу. Более того, в городском совете не знают, что их земляк всего год тому назад, в 1988 году, решением ЮНЕСКО отмечен в числе самых выдающихся учёных-педагогов и философов мира. Их всего четыре: Джон Дьюин, выпускник Вермонтского университета (США), Герман Кершенштейнер, выпускник Мюнхенского университета (Германия), Мария Монтессори – педагог, врач, философ, преподаватель Римского университета (Италия) и А.С.Макаренко, выпускник Полтавского педагогического института. Первая тройка награждённых – выходцы из аристократических семей, чьи родители получили образование в престижных высших учебных заведениях Европы.

А.С.Макаренко рос в семье маляра вагоноремонтного предприятия, закончил четыре класса училища, затем одногодичные учительские курсы и три года учился в Полтавском педагогическом институте. Вскоре о его таланте педагога заговорили не только в учительской среде на Украине, но и за рубежом. Высокую оценку его педагогической деятельности дали такие

известные писатели и философы, как Луи Арагон, Анри Барбюс, Максим Горький и многие другие. А вот какую высокую оценку даёт А.С.Макаренко-педагогу наш современник, писатель и философ Н.И.Козлов

«А.С.Макаренко - гениальный педагог. К нему приходили дети, которые настолько уже были испорчены, что не могли жить в нормальном обществе; воры, хулиганы, девочки-проститутки... он достиг такого мастерства в воспитании детей, что мог с уверенностью сказать: «Воспитание – лёгкое дело», настолько это стало лёгким для Макаренко, что он в колонии полностью отказался от воспитателей. Были учителя, но детский коллектив в 500-600 человек жил самостоятельно. А Макаренко был уверен, что дети самостоятельно по сигналу встанут с постели. Приведут в порядок себя и всё помещение коммуны. Коммуна в первые годы ничего не получала. Она жила на пожертвования чекистов, которые отдавали ребятам часть своей зарплаты. Но уже через три года коммуна отказалась от помощи чекистов и на свои заработанные деньги стала строить завод электроинструментов, первый в стране.

Завод был построен меньше чем за год. И воспитанники стала производить электродрели, позже освоили производство фотоаппаратов «Лейка». Фотоаппарат «Лейка»- это 300 деталей с точностью до 0,001 мм, это оптика, которую в царской России не знали вообще. В 16-19 лет воспитанники А.С.Макаренко становились мастерами, начальниками производства. Прибыль коммуна отдавала государству в размере 4,5 млн. рублей в год. Кроме того, производство фотоаппаратов имело государственное значение, потому что освободило государство от ввоза иностранной продукции на 1,5 млн. рублей золотом в год. Воспитанники получали зарплату, на которую содержали себя, младших членов коммуны, выплачивали стипендии бывшим коммунарам, обучающимся в вузах, откладывали деньги на сберкнижки для накопления средств к моменту выхода из коммуны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.